

## **Владимир Качесов: «Не прячьтесь за фамилии гениев!»**

*Театр «Кремлёвский балет» знают и любят во всём мире. А Владимир Петрович Качесов его композитор и оркестровщик. Но и его собственные произведения в разных жанрах – балете, мюзиклах, комической опере, а также симфонические и камерные сочинения – с успехом исполняются на разных сценах.*

*Наш корреспондент встретился с Владимиром Качесовым, чтобы поговорить о музыке и творчестве.*

**– Владимир Петрович, диапазон вашего творчества очень широк. Как вы стали композитором?**

– Сочинять я стал лет с тринадцати. Это был период, когда я начал писать стихи (ужасно!) и активно рисовать (немногим лучше). Но удивительно – я точно знал, что буду композитором, закончу консерваторию, ассистентуру-стажировку и буду преподавать в консерватории. Так и случилось – в Нижнем Новгороде, где я прожил тринадцать лет. Преподавателем у меня был удивительный и тонкий педагог Аркадий Александрович Нестеров. Вообще эта консерватория очень и очень сильная. В 1991 году я стал лауреатом международного конкурса композиторов в Германии. Потом в течение шести лет работал с оркестром радио в Москве. Его руководитель Мурад Магомедович Кажлаев все аранжировки для оркестра доверял только мне. Это была прекрасная школа!

В театре «Кремлёвский балет» я переоркестровываю оперы в балеты, редактирую старые балеты, приспособливая их к нашему огромному залу на шесть тысяч мест, подгоняю темп для разных солистов, присутствую на репетициях оркестра, настраиваю звук перед каждым спектаклем. Езжу с театром на гастроли в качестве звукорежиссёра, занимаюсь видеоматериалами. Конечно, много рутины, но когда после спектакля раздаются крики «Браво!», я чувствую гордость за коллектив!

Сейчас в репертуаре театра «Кремлёвский балет» три спектакля с моей оркестровкой и переработкой авторской музыки Ц.Пуни «Эсмеральда», Дж.Россини «Фигаро» и В.А.Моцарта «Волшебная флейта». Может быть, когда-нибудь на этой сцене поставят и мой балет.

Пробовал работать и в кино, но сейчас это смешной процесс. Я думал, что мы будем обсуждать, искать образы – но нет! Мне дали практически готовый фильм (я написал музыку к двум фильмам – «Зона турбулентности» и «Любовь из прошлого») с уже подложенной музыкой! «В чём моя роль? – спросил я. – У вас уже есть музыка!» Оказалось, нужно написать похожую музыку – чтобы не возникали проблемы с авторскими правами. Меня это рассмешило... В театре же всё «на живую» – поиски, переделывания, правки. И в балете, и в музыке идёт сотворчество, правда, иногда очень болезненное.

**– У вас у самого немало произведений академических жанров. Вы должны быть хорошим пианистом, раз написали концерт для фортепиано с оркестром. Все, кто это делали, были блестящими пианистами – Моцарт, Шопен, Прокофьев, Шостакович... Отрадно, что в наш век массовой культуры не «заглохла нива жизни» как традиция богатейшей русской классики.**

– Да уж... Почти все великие были блестящими пианистами, но не все – и это успокаивает! Вы так мимоходом поставили меня в ряд с гениями, но это неправильно. Понятия «культура», «гений», «открытие», «озарение» и т.д. скорее относятся к прошлому. Время у нас посткультурное. Мы только используем достижения прошлого, чтобы не потерять духовность. Иногда даже деньги выделяются на разрушение прошлых достижений.

Все нашумевшие театральные постановки – это абсолютное переименование авторского замысла гениев прошлых лет. Я немного остановлюсь на этом. Если руководитель проекта

хочет, условно говоря, поставить историю про публичный дом – это его право! Но он не имеет права брать «Ромео и Джульетту» Шекспира да ещё с музыкой Прокофьева! Это просто непорядочно! А ещё это трусость. Руководитель боится, что если на афише не будет великих имён, то критика его проект не заметит. Честнее было бы пригласить драматурга, композитора и сочинить то, что задумал продюсер. Нет же – трусят! Надо вылезти за счёт великих!

ЮНЕСКО должен бы объявить достижения гениев сохраняемыми объектами нематериальной культуры и запретить самоуправство неблагодарных потомков. Сочиняйте и создавайте сами, господа «новаторы», – не прячьтесь за фамилии гениев!

**– Это крайне пагубная тенденция. Имеет ли она объяснение, как вы считаете?**

– Думаю, что славное прошлое русской культуры переживает огромные испытания.

С появлением средств массовой коммуникации культура всего мира перестала быть легендой. Это очень важно – легенда! Представьте себе: кто-то слышал игру Листа, Рубинштейна и рассказывает об этом восторженно, но мы домысливаем его рассказ. А вот игру Рахманинова, Прокофьева и других гениев мы можем услышать в записи – и нам что-то может даже не понравиться в их трактовках. Всё – легенда разрушена! Тем более, что и запись тогда была несовершенная.

Культура от этого очень проиграла. Все исполнители и творцы стали активнее искать «своё лицо» в искусстве и очень быстро пришли к пропасти, за которой уже шарлатанство! Польский композитор и дирижёр Пендерецкий сказал, что современное творчество больше напоминает разновидность компьютерной игры. Известно, что Моцарт, обладая большой математической одарённостью, изобрёл игрушку-шутку по сочинению музыки: набор кубиков с короткими мотивами, которые, в зависимости от стороны кубика, совмещали друг с другом, и получалась мелодия. Имея синтезатор в распоряжении (а это и есть огромный «кубик» с мотивами и тембрами), современный дилетант способен выдать музыкальную жвачку для сериалов и считать себя композитором.

**– А что делают серьёзные композиторы? Они же тоже в этой реальности.**

– Они тоже в ловушке. Очень многие, чтобы быть на плаву, пишут откровенную чепуху, извлекая как бы авангардные звуки из инструментов – и на такое «сочинительство» выделяют деньги. Именно такой звуковой мусор поддерживают на Западе, а потому и у нас. У меня есть искусствоведческая работа, где я на основе закономерностей развития общества доказываю, что мы вступили в период «классицизма», и так называемый «авангард» безнадежно устарел. Это очень старомодная музыка, если вообще считать её музыкой.

Считаю, что современная опера абсолютно нежизнеспособна. Опера может быть только КЛАССИЧЕСКАЯ.

**– У вас есть вещь, которая не опера и не оперетта, – музыкальная комедия «Пьер и Аннет». Это что?**

– Я написал комическую оперу в стиле рококо, а также цикл романсов и песенок в игривой, лёгкой манере в девяностые годы. Хотелось показать, как Моцарт написал бы квартет в наше время. Это был такой уход от действительности. Кстати сказать, лауреатом конкурса композиторов в Германии я стал с квартетом «Moz-Art» – я знал, что буду композитором!

**– Какова в целом концепция вашего творчества?**

– Я антиглобалист во всём – и в культуре тоже. Конечно, глобализация, может быть, процесс и объективный, но я же не обязан его любить. Именно поэтому стараюсь развивать национальную тему, в первую очередь, конечно, русскую, но не только её. Я написал каприччио для фортепиано и оркестра на китайские народные темы и собираюсь написать подобные каприччио на национальные темы народов России.

**– Вокальный цикл на стихи... Мао Цзэдуна! Почему он?**

– Тут не всё так просто. «Кремлёвский балет» практически каждый год гастролирует в Китае. Китай меня потряс, это другая планета! И вот как-то руководитель театра Андрей Борисович Петров обмолвился, что Мао Цзэдун считается в Китае классиком литературы. А Андрей Борисович – человек огромной эрудиции, и ему можно верить на слово. И это как-то запало мне в сознание. И потому этой зимой я решил почитать стихи Мао Цзэдуна и вдруг «услышал» их! Мне было уже неважно – политик он или нет – я просто записал то, что звучало у меня в голове. Получилось довольно удачное сочетание китайской и европейской музыкальных традиций. Я тут же написал «Каприччио №2» для фортепиано с оркестром на китайские темы. Скоро исполнение.

**– Вы автор русских мюзиклов для детей и взрослых, таких как «Садко и морская царевна», «Конёк-горбунок», «Три богатыря», «Маша и медведь», «Тарзан». Само слово «мюзикл» западное. Означает то же, что и оперетта, – комедию. Или есть разница?**

– В двадцатом веке появилась новая манера пения, и на смену опере пришёл мюзикл. Впервые этот термин применили в Америке к постановке «Оклахома» в 1941 году. Именно потому, что в этой постановке была неразрывная связь сюжета, драматургии и музыки. До «Оклахомы» существовал жанр «Музыкальной комедии», где номера с музыкой чаще всего были вставные. А в мюзикле, как и в опере, сюжет раскрывается через музыкальные номера. Меня просто возмущает неграмотность «профессионалов», которые называют мюзиклом спектакли с двумя-тремя песенками!

У меня же мюзиклы в формате «семейного просмотра» – интересно и детям, и родителям. Недавно была премьера моего мюзикла для детей от трёх до семи лет «Три медведя» в театре под руководством Г.А.Чихачёва. Могу сказать с гордостью: все напевают главную тему – и дети, и взрослые.

А со славянскими мюзиклами особая история. Если бы нашёлся театр, где можно было бы поставить цикл мюзиклов по славянской мифологии, то можно было бы написать аналог вагнеровской «Тетралогии Нибелунгов». У нас очень поэтичная мифология!

В театре Г.А.Чихачёва идут мои мюзиклы «Садко и морская царевна» и «Три богатыря» – огромная благодарность ему за это!

**– У вас есть романсы на стихи Анны Ахматовой. Чем привлекли именно эти стихотворения?**

– Ахматова мой любимый поэт двадцатого века. Любые стихи читаешь – и они сразу звучат! Вообще я люблю писать о женской душе, ведь женщины более сложные и интересные. Сам я женат счастливо, у меня две чудные дочки.

*Беседу провела Зоя Стопани  
Журнал «Русский дом», №2, 2017*